

Молоко матери

1

При рождении его чуть не убили: несколько дней кряду не давали ему спать, заставляя таранить головой закрытую матку; душили пуповиной; кромсали материнский живот холодными ножницами; зажали ему голову в тиски и, выкручивая шею, потащили прочь из родного дома, светили в глаза фонариком, дергали и ворочали, ставили над ним какие-то опыты... И в довершение всего разлучили с лежавшей на столе полумертвой матерью. Быть может, надеялись, что так он забудет о ностальгии по прежнему миру? Сперва сунули в тесную утробу (вдруг да захочется на волю), а потом притворились, будто убивают — пусть радуется обретенной свободе, хотя бы и в этой шумной пустыне, под ненадежной защитой только маминих рук, а не всего ее уютного теплого тела, составлявшего некогда его мир.

Шторы вдыхали в больничную палату свет. Сперва набухали жарким воздухом с улицы, а потом вновь приникали к высоким балконным дверям, приглушая ослепительное сияние дня.

Кто-то открыл дверь, шторы вспорхнули и затрепетали; на столе зашуршала бумага, комната побелела, и шум дорожных работ с улицы стал чуть громче. Потом дверь хлопнула, шторы вздохнули и свет померк.

— Ох, опять цветы! — застонала мама.

Сквозь прозрачные стенки кровати-аквариума ему было видно все, что творилось вокруг. Из вазы на него поглядывала липким глазом растопыренная лилия. Сквозняк иногда доносил перечный аромат фрезии, от которого тянуло чихать. Кровавые разводы на маминой ночной сорочке мешались с рыжими пятнами пыльцы.

— Как это мило... — Мама засмеялась от бессилия и возмущения. — Может, в уборной найдется для них местечко?

— Нет, там уже стоят розы, и подоконник забит всяким барахлом.

— Боже, это невыносимо. Бедные цветы губят сотнями и запихивают в белые вазочки, чтобы нас порадовать. — Она все смеялась, а по щекам текли слезы. — Лучше бы их оставили в саду...

Медсестра заглянула в карту.

— Пора принимать вольгарен, — сказала она. — Иначе опять заболит. — Она посмотрела на Роберта: в пульсирующей мгле он разглядел ее голубые глаза. — Какой осмысленный взгляд у вашего мальчика. Он явно строит мне глазки!

— С ним ведь все хорошо? — Маму внезапно обуял ужас.

Роберту тоже стало страшно. Даже в разлуке их связывала одинаковая беспомощность, как жертв кораблекрушения, вынесенных морем на незнакомый дикий берег. Не в силах ползти по песку, они просто лежали, утопая в ослепительном свете и грохоте. Впрочем, факт оставался фактом: их разлучили. Мама теперь снаружи, он это понимал. Для нее дикий берег — лишь новая роль, а для него — новый мир.

Причем мир этот казался странно знакомым. Он всегда знал, что снаружи что-то есть. Прежде он думал, буд-

то живет в самом сердце мира, состоящего из воды и приглушенных звуков. Но теперь стены рухнули, и он увидел, какая кругом неразбериха. Что же делать? В этом оглушительно-ярком месте с тяжелой атмосферой нельзя больше ни пинаться, ни кувыряться, и воздух жжет кожу.

Вчера он решил, что умирает. Может, так оно и было? Кругом неопределенность, и только одно не подлежит сомнению: они с матерью — больше не единое целое. После разлуки любовь к ней приобрела новую остроту. Раньше мама всегда была рядом, а теперь он мог лишь мечтать о близости. Ничего печальнее этого первого вкуса тоски по ней не было на свете.

— Ай-ай, что случилось? — запричитала медсестра. — Мы проголодались или просто хотим на ручки?

Она достала его из аквариума, пронесла над пропастью, разделявшей кровати, и положила прямо в мамыны руки, на которых синели кровоподтеки.

— Постарайтесь подержать его у груди подольше, а потом поспите, если сможете. Вы оба так пострадали за эти два дня.

Он был раздавлен и безутешен. Как жить в этом мире, полном накала и сомнений? Он срыгнул молозивом на мать, и в последовавшие за этим мгновения расплывчатой пустоты обратил внимание на шторы, взбухающие ярким светом. Ага, вот как здесь все устроено. Тебя пытаются очаровать и отвлечь всякими штуками, чтобы ты забыл о разлуке.

Впрочем, не стоит преувеличивать потерю. Прежний мир становился тесноват. Ближе к концу он отчаянно мечтал о свободе, но представлял себе ее совсем иначе: как возвращение в безбрежный океан своей юности, а не изгнание в этот жестокий край. И даже во сне ему не уда-

валось вернуться в океан: между ним и прошлым висела пелена ужаса и насилия.

Его медленно понесло к липким границам сна. Куда он попадет — в мир, где можно плавать и кувыркаться, или обратно в мясорубку родовой палаты?

— Бедный мой малыш, тебе просто приснился дурной сон, — сказала мама, глядя его по голове.

Плач начал стихать.

Она поцеловала его в лоб, и он вдруг осознал: хоть они с мамой больше не вместе, мысли и чувства у них по-прежнему одни. Он содрогнулся от облегчения и принялся наблюдать за шторами.

Видимо, он заснул, потому что теперь в палате был папа, который уже болтал без умолку:

— Я сегодня посмотрел несколько квартир, и могу сказать, что дела наши плохи. Лондонский рынок недвижимости — это ад крошечный. Я склоняюсь к запасному варианту.

— А есть запасной вариант? Я забыла.

— Не менять жилье. Поделим кухню пополам, в кладовке будут храниться его игрушки, а кровать встанет на место холодильника.

— А швабры куда?

— Не знаю, куда-нибудь.

— А холодильник?

— В кладовку рядом со стиральной машиной.

— Не влезет.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все.

— Не суть... что-нибудь придумаем. Я пытаюсь рассуждать практично. С рождением ребенка многое меняется, знаешь ли. — Папа наклонился к маме поближе

и прошептал: — В конце концов, мы всегда можем уехать в Шотландию.

Он научился быть практичным. Жена и сын тонут в луже смятения и чувств, и ему надо их спасти. Роберт чувствовал все, что чувствует он.

— Какие крошечные у него ручки, — сказал папа. — Он приподнял ладошку Роберта мизинцем и поцеловал. — Можно мне его подержать?

Мама протянула его папе:

— Обязательно поддерживай головку. Шея у него пока слабая.

Все занервничали.

— Так? — Папина рука поползла вдоль позвоночника и скользнула Роберту под голову.

Он постарался успокоиться: не хотелось расстраивать родителей.

— Вроде бы. Я и сама толком не знаю.

— Ох... Как это нам позволили завести ребенка без лицензии? В наше время даже собаку без лицензии не купишь; да что там собаку — телевизор! Может, позовем нянечку — пусть нас научит? Как бишь ее...

— Маргарет.

— Кстати, где Маргарет будет спать до нашего отъезда к маме?

— Говорит, диван ее вполне устроит.

— Да, но устроит ли она диван...

— Ну что ты такое говоришь? Она, между прочим, на «химической диете».

— Как любопытно! Няня прямо открывается мне новыми гранями.

— Она очень опытная.

— А мы — разве нет?

— Я про младенцев.

— Ах да, младенцы...

Отец потерял об него колючей щекой и чмокнул в ухо.

— Зато мы его обожаем, — сказала мама сквозь слезы. — Разве этого не достаточно?

— Быть обожаемым двумя недоделанными родителями в убогой квартирке? Слава богу, у него есть поддержка в лице двух бабушек: у одной вечный отпуск, а вторая так печется о планете, что не способна порадоваться рождению очередного вандала, который с малолетства примется транжирить ее драгоценные ресурсы. Дом моей матери уже настолько полон шаманских погремушек, всяких «тотемных животных» и «внутренних детей», что настоящий ребенок там не поместится.

— Все будет хорошо. Мы больше не дети, мы — родители.

— Нет, мы — и то и другое, в этом вся беда. Знаешь, что мне на днях сказала мама? На ребенка, рожденного в развитой стране, тратится в двести сорок раз больше ресурсов, чем на ребенка, рожденного в Бангладеш. Если бы нам хватило самоотверженности усыновить двести тридцать девять бангладешских детей, она оказала бы нам куда более теплый прием, но этот новорожденный Гаргантюа, который забросает грязными подгузниками десятки свалок, а потом, желая поиграть в крестики-нолики с виртуальным приятелем из Дубровника, начнет клянуть компьютер, вычислительная сила которого позволит запустить ракету на Марс, не заслуживает ее одобрения. — Папа умолк. — Все нормально?

— Я счастлива как никогда. — Мама вытерла рукой мокрые щеки. — Просто чувствую себя такой пустой.

Она поднесла голову младенца к груди, и тот принялся сосать. В рот полилась тонкая струйка знакомых ощу-

щений из прежнего дома: они с мамой вновь были вместе. Он чувствовал ее сердцебиение. Покой окутал его с ног до головы, как новая утроба. Может, здесь не так уж и плохо — просто сюда трудно попасть.

Вот все, что Роберт запомнил о первых днях своей жизни. Воспоминания вернулись к нему в прошлом месяце, когда у него родился младший брат. Вполне может быть, что разговор родителей он подслушал недавно, но их слова напомнили ему о времени, проведенном в роддоме, так что воспоминания в любом случае были достоверны и принадлежали ему.

Роберт был одержим собственным прошлым. Недавно ему исполнилось пять лет. Целых пять лет — он больше не малыш, как Томас. Младенческая пора его жизни заканчивалась, и среди поздравительных воплей и оваций, сопровождавших каждый его шаг навстречу совершеннолетию, слышался шепоток сожаления. Что-то случилось, когда он освоил речь. Старые воспоминания начали обваливаться, как оранжевые глыбы с утеса за его спиной, и падать во всепоглощающее море, которое лишь сверлило его пристальным взглядом, когда он пытался в него заглянуть. На смену младенчеству приходило детство. Роберту отчаянно хотелось вернуть прошлое, ведь иначе оно целиком достанется Томасу.

Роберт обогнал родителей с братом и Маргарет и теперь неуклюже пробирался по скалам к грохочущей гальке нижнего пляжа, держа в вытянутой руке ободранное пластиковое ведро с прыгающими дельфинами на боку. Сверкающие камешки, которые обсыхали и тускнели, прежде чем он успевал похвастаться находкой, больше его не манили. Теперь он охотился за обкатанными морем мармеладными стеклышками, что прятались под

черной и золотистой галькой на берегу. Даже обсохнув, они излучали какой-то мутноватый, пришибленный свет. Отец рассказывал, что стекло делают из песка, — выходит, эти стеклышки были уже на полпути туда, откуда пришли.

Роберт выскочил на берег. Оставив ведро на высоком валуне, он начал охоту. Когда вода вспенилась у его ног и отхлынула, он принялся разглядывать пузырящийся песок. Подумать только, уже под первой волной его ждала ценная находка: не бледно-зеленая или молочно-белая бусина, а редкий желтый самоцвет. Он вытащил его из песка, ополоснул в накатившей волне, зажал между большим и указательным пальцем и поднял на свет — янтарное бобовое зернышко. Очень хотелось поделиться с кем-нибудь своим восторгом, но родители возились с малышом, а няня что-то искала в сумке.

Та же няня — Маргарет — присматривала и за ним, когда он только родился. Роберт ее помнил. Тогда все было иначе, ведь он был у мамы один. Маргарет говорила, что готова «часами трепаться о чем угодно», но на самом деле болтала только о себе. Папа называл ее «великим теоретиком диетологии». Роберт точно не знал, что это такое, но, похоже, именно из-за этого она стала такой толстой. Вообще-то, на сей раз родители хотели сэкономить на няне, однако в последний момент — перед самым отъездом во Францию — вдруг передумали. И чуть было не передумали снова, когда узнали, что в такие короткие сроки агентство может предложить им только услуги Маргарет.

— Что ж, вторая пара рук мне в любом случае не помешает, — рассудила мама.

— Да, но к этим рукам, увы, прилагается еще и рот, — сказал отец.

Роберт познакомился с Маргарет сразу после приезда из роддома. На родительской кухне он очнулся в ее тряских объятьях.

— Я поменяла его высочеству подгузник, так что попка у нас сухая, — сообщила она матери.

— Как мило с вашей стороны, — сказала мама. — Благодарю!

Роберт сразу почуял, что Маргарет другая. Слова хлестали из нее сплошным потоком, как вода из переполненной ванны. Мама говорила редко и мало, но зато ее речь была похожа на объятья.

— Как ему спится в кроватке? — спросила Маргарет.

— Если честно — не знаю, он вчера спал с нами...

Маргарет утробно зарычала.

— Хмммм... Дурные привычки заводите!

— Он не хотел засыпать у себя.

— И никогда не захочет, если будете и дальше оставлять его в своей кровати.

— «Никогда» — это слишком громко сказано. До минувшей среды он жил у меня в животе, инстинкты подсказывают мне не торопить события. Хочу все делать постепенно.

— Что ж, не стану спорить с вашими *инстинктами*, милочка, — выплюнула Маргарет, — но мой сорокалетний *опыт* позволяет делать определенные выводы. Мамочки на руках меня носили за то, что я укладывала их детей в кроватку. Вот недавно мне позвонила одна бывшая клиентка — арабка, между прочим, милейшая женщина — и сказала: «Ах, зря я вас не послушала, нельзя было спать вместе с Ясмин! Теперь не могу ее отучить». Она хотела пригласить меня снова, но я отказалась. Говорю: «Извините, голубушка, но у меня начинается новая работа: в июле я отправляюсь на юг Франции, мы будем жить у бабушки ребенка».

Маргарет тряхнула головой и зашагала по кухне, обрушив на лицо Роберта лавину хлебных крошек. Мама промолчала, однако няня не унималась:

— Помимо всего прочего, это нехорошо по отношению к малышу! Они так любят спать в своих кроватках. Впрочем, я просто привыкла все делать на свой лад — ведь это *мне* потом не спать по ночам.

В комнату вошел отец и поцеловал Роберта в лоб.

— Доброе утро, Маргарет. Надеюсь, вы хорошо спали? Нам-то поспать не удалось.

— Да, спасибо, диван вполне удобный. Но, разумеется, я буду только рада отдельной комнате — когда мы приедем к вашей матушке.

— Очень на это рассчитываю, — сказал отец. — Вы все собрали? Такси приедет с минуты на минуту.

— Ну, времени *разобрать* чемоданы у меня не было, верно? Я только панаму достала — на случай, если там будет жарить солнце.

— Там всегда жарит солнце. Моя мать может жить только в условиях глобального потепления, на меньшее она не согласна.

— Что ж, нам в Ботли глобальное потепление бы не помешало.

— Лучше молчите об этом, если хотите получить хорошую комнату при Фонде.

— При каком-таком фонде?

— О, моя матушка ведь основала Трансперсональный фонд, вы не слышали?

— То есть вы не унаследуете ее дом?

— Нет.

— Страсти какие!.. — Бледная восковая физиономия Маргарет нависла над Робертом, с новой силой посыпая его лицо хлебными крошками.

Роберт почувствовал, что отец раздосадован.

— Его такими новостями не проймешь, — сказала мама.

Все одновременно пришли в движение. Маргарет в панапе шла первой, за ней плелись родители Роберта с вещами. Его вынесли на улицу — туда, откуда шел свет. Он был потрясен. Мир показался ему родовой палатой, в которой со всех сторон неслись крики новой честолюбивой жизни. Ветви лезли вверх, листья трепетали, по залитому светом небу плыли кучевые горы с размытыми краями. Роберт чувствовал мысли мамы, чувствовал мысли отца и чувствовал мысли Маргарет.

— Ему понравились облака, — заметила мама.

— Он их пока не видит, голубушка, — сказала Маргарет. — В этом возрасте они еще не могут фокусироваться на предметах.

— Даже если он не видит их так, как видим мы, это не мешает ему смотреть, — сказал отец.

Маргарет фыркнула и села в гудящее такси.

Роберт неподвижно лежал на коленях матери, но земля и небо за окном куда-то скользили. Раз вокруг все движется, значит он тоже находится в движении? Свет отражался от окон, проплывавших мимо домов, со всех сторон на Роберта накатывали разнообразные вибрации, а потом между зданиями впереди развернулся каньон, и по лицу Роберта пополз клин солнечного света, от которого его веки изнутри стали оранжево-розовыми.

Они ехали к бабушке, в тот же дом, где жили и теперь, спустя неделю после рождения брата.

Роберт сидел на подоконнике в своей комнате и играл с собранными на берегу бусинами, выкладывая из них разные узоры. За москитной сеткой (порванной и залатанной) зеленела масса спелых листьев росшего на террасе платана. Когда дул ветер, листья издавали звук, похожий на чмоканье. Если начнется пожар, будет очень удобно выбираться по ветвям платана из комнаты — но, с другой стороны, по ним же в комнату может залезть похититель. Раньше мысли о похитителях никогда не приходили ему в голову, а теперь он только об этом и думал. Мама рассказывала, что младенцем он очень любил лежать в колыбельке под ветвями платана. Теперь, заключенный в скобки из родителей, там лежал Томас.

Маргарет должна была завтра уехать — слава богу, сказал отец. Родители дали ей лишней выходной, но она уже вернулась из деревни и обрушила на них роковую весть. Роберт вразвалку зашагал по комнате, изображая Маргарет, затем вернулся к окну. Все считали, что он великолепно пародирует людей. Воспитатель пошел еще дальше и выразил надежду, что «мальчик сумеет направить свой зловеющий дар в конструктивное русло». И действительно, когда Роберта заинтриговывала какая-нибудь ситуация — в данном случае возвращение Маргарет, — он мог почувствовать и воспринять все, что захочет. Он прижал-

ся лицом к москитной сетке, чтобы получше рассмотреть происходящее внизу.

— О-о, какая жарница! — причитала Маргарет, обмахиваясь журналом по вязанию. — Представляете, в Бандоле нет зернового творожка. И продавцы в супермаркете не говорят по-английски! «Зерновой творог, — твержу я им, показывая на фотографию пшеницы в хлебном отделе. — Зерно, только из молока!» Но они так и не сообразили, что я имела в виду.

— Редкие тупицы, — заметил отец. — Вы ведь дали им превосходную подсказку!

— Хм... В общем, пришлось вместо творога набрать французских сыров, — сказала Маргарет, присаживаясь на невысокий каменный заборчик. — Как малыш?

— Немного устал, — ответила мама.

— Конечно — на такой-то жаре! — воскликнула Маргарет. — Мне кажется, на пароме со мной случился тепловой удар. Зажарилась до хрустящей корочки. Почаще давайте ему воду, голубушка. По-другому он не может охладиться — потеть в таком возрасте они еще не умеют.

— Очередное досадное упущение. Потеть не умеют, ходить не умеют, говорить не умеют... Читать, водить машину и выписывать чеки тоже не умеют! А вот жеребята умеют стоять уже спустя несколько часов после рождения. Если бы лошади пользовались услугами банков, они бы и тут людей обскакали: им бы уже к концу недели открыли кредит.

— Лошадям банки ни к чему.

— Да уж... — бессильно выдохнул Патрик.

Через мгновение восторженная песнь цикад заглушила голос Маргарет, и Роберту показалось, что он в точности помнит свои ощущения той поры, когда он лежал в колыбельке под прохладной сенью платанового дерева,

слушая, как сплошная стена стрекота рушится, уступая место голосу одной-единственной цикады, а потом вновь поднимается сухой неистовый треск. Звуки, образы, впечатления падали в сознание Роберта и оставались лежать на месте, он их не трогал. В той прохладной зеленой тени объяснения предметам и явлениям находились сами собой, но не потому, что он понимал, как все устроено, а потому, что знал собственные мысли и чувства и не должен был никому их объяснять. Если хотелось поиграть со своими мыслями, никто не мог ему помешать. Роберт просто лежал в колыбельке, ничего опасного не делал. Иногда он воображал себя тем предметом, на который смотрел, а иногда представлял, что оказался в пространстве между собой и этим предметом. Но больше всего ему нравилось просто глядеть, никем себя не воображать и не смотреть прицельно, а словно бы парить в этом рассеянном взгляде, как ветер, что возникает ниоткуда и дует просто так, никуда особо не стремясь.

Брат, наверное, тоже сейчас парил, лежа в старой колыбельке Роберта. Взрослые ничего не понимают в парении. В этом их беда: они всегда хотят быть в центре внимания, заваливают тебя едой, принуждают спать, отчаянно пытаются научить тому, что знают сами, и забыть то, что сами забыли. Роберт ненавидел спать. Так ведь можно пропустить самое интересное: пляж с желтыми стеклышками, скачущего по сухой траве кузнечика, чьи крылья похожи на отлетающие от ног искры.

Роберт любил жить у бабушки. С тех пор как он родился, они приезжали сюда раз в год, но зато — каждый год. Ее дом назывался Трансперсональный фонд. Роберт не очень-то понимал, что это значит, и остальные, похоже, тоже не понимали, даже Шеймус Дурк, который в этом фонде был самый главный.

— Твоя бабушка — чудесная женщина, — сказал он однажды Роберту, глядя на него темными мерцающими глазками. — Она помогла множеству людей обрести связь.

— С чем? — не понял Роберт.

— С другой реальностью.

Порой он не уточнял у взрослых, что они имеют в виду, поскольку его бы приняли за идиота, а иногда — потому что идиотами были они сами. В данном случае верно было и то и другое. Роберт обдумал слова Шеймуса и не понял, откуда взялась эта другая реальность. Состояний ума действительно может быть несколько, и реальность вмещает их все. Так он и сказал матери, на что она ответила: «Да ты мой умница», но как-то рассеянно, не обращая особого внимания на его теоретизирование, хотя раньше обращала. Теперь же она всегда бывала слишком занята. Взрослые не понимали, что ему в самом деле очень нужно получить ответ.

Брат, дремавший под платаном, внезапно закричал. Роберту захотелось, чтобы он перестал плакать. Младенчество младшего брата глубинной бомбой взрывалось в его памяти. Крики Томаса напоминали ему о собственной беспомощности: о беззубых ноющих деснах, о произвольных подергиваниях рук и ног, о мягкости родничка, который можно было пробить одним движением пальца и сразу же попасть в растущий мозг. Он вспоминал, как целыми днями на него сыпались предметы без названий и названия без предметов, и еще — смутное чувство: мир до дикой банальности детства, до того, как ему нужно было первым выбежать на свежевыпавший снег и разрушить его идеальную белизну, и даже до того, как он осознал себя зрителем, глядевшим в окно на белый пейзаж, когда разум его сам был подобен полям безмолвного хрусталя, еще ждущего вмятины от упавшей ягоды.

Роберт видел во взгляде Томаса такие состояния разума, которых при всем желании не мог бы изобрести сам. Они возникали в чахлой пустыне его опыта подобно мимолетным пирамидам. Откуда они брались? Порой он ощущал себя маленьким зверьком, тревожно нюхающим воздух, а уже несколько секунд спустя, примирившись со всем миром, излучал вселенский покой. Роберт чувствовал, что не мог взять и выдумать эти сложные состояния, и Томас тоже не мог. Просто его младший брат пока не знал, что знает, и еще не начал рассказывать себе историю о происходящем вокруг. Он был слишком мал и еще не обзавелся необходимым для рассказывания историй объемом внимания. Роберту придется делать это за него. Разве не для этого нужен старший брат? Он уже попался в ловушку нарратива, так что можно и младшего с собой прихватить — тем более тот по мере сил помогает Роберту сложить воедино кусочки его собственной истории.

Внизу, одержав победу над стрекотом цикад, вновь раздался зычный голос Маргарет.

— Кормящая мать должна хорошо питаться, — начала она вполне разумно. — Нет ли у вас диетического печенья? Или каких-нибудь печенюшек к чаю? Ими можем перекусить прямо сейчас. А после необходим плотный, богатый углеводами обед. На овощи не налегаем, от них у малыша будет вздутие. Подойдет ростбиф и йоркширский пудинг, на гарнир печеный картофель, а к чаю — пара ломтиков бисквита.

— Господи, в меня же столько не влезет! В моей книжке написано, что можно есть рыбу и овощи гриль, — ответила его усталая, худая, элегантная мама.

— Немного овощей не повредит, — проворчала Маргарет. — Но никакого лука, чеснока и пряностей. Одна мамаша в мой выходной наелась карри. Возвращаюсь я до-

мой, а ребенок орет как резаный. «На помощь, Маргарет! Мамочка устроила революцию в моем животике!» Лично я всегда говорю: «Принесите мне мяса и гарнир из двух видов овощей, но если овощей нет — ничего страшного».

Роберт запихнул под футболку подушку и ковылял по комнате, изображая Маргарет. Когда его голова наполнялась чьими-то словами, он не мог молчать. Он так увлекся этим делом, что не заметил вошедшего в комнату отца.

— Что это ты делаешь? — спросил Патрик, смутно догадываясь об ответе.

— Изображаю Маргарет.

— Не хватало нам второй Маргарет! Идем пить чай.

— Я и так объелся, — ответил Роберт, поглаживая подушку. — Пап, когда Маргарет уедет, я сам могу давать маме вредные советы по уходу за малышами. Совершенно бесплатно!

— Жизнь определенно налаживается, — сказал папа, протягивая ему руку. Роберт застонал, встал с пола, и они вдвоем пошли вниз, радуясь своей тайной шутке.

После чая Роберт отказался выходить на улицу вместе со всеми — они только и делали, что говорили о младенце и строили догадки о его мыслях, — и пошел наверх. Но решение это с каждой ступенькой давило на Роберта все сильнее, а наверху он окончательно передумал: плюхнулся на пол и стал смотреть между балясинами вниз, гадая, заметят ли родители его печальное и обиженное отсутствие.

На полу коридора, залезая на стены, лежали косые прямоугольники вечернего света. Один солнечный луч откололся и, угодив в зеркало, задрожал на потолке. Томас пытался про это рассказать. Мама, прочитав мысли

сына, поднесла его к зеркалу и показала то место, где свет отражался от блестящей поверхности.

Папа принес Маргарет стакан с ярко-красной жидкостью.

— О-о, спасибо большое! Не знаю, стоит ли мне сейчас пить спиртное, солнечный удар все-таки. Я здесь прямо как на курорте — вы такие заботливые родители, мне и делать-то ничего не приходится. Ах, гляньте, малыш любитесь своим отражением в зеркале! — Она обратила розовый блеск своего лица на Томаса. — Ты не можешь понять, здесь ты или там, правда?

— Мне кажется, он в состоянии сообразить, что находится в собственном теле, а не размазан по стеклу, — сказал отец. — Он ведь пока не прочел эссе Лакана о стадии зеркала — с этого обычно начинается весь сыр-бор.

— Что ж, в таком случае мы остановимся на Кролик Питере, — хихикнула Маргарет, глотнув красной жидкости.

— Я очень хочу пойти с вами погулять, — сказал папа, — но мне нужно срочно ответить на миллион важных писем.

— О-о, папочка будет отвечать на важные письма! — запричитала Маргарет, обдавая лицо Томаса красным запахом. — Придется тебе довольствоваться Маргарет и мамочкой!

Она неверной походкой направилась к выходу. Солнечный ромб на миг исчез с потолка, потом вспыхнул вновь. Родители Роберта молча уставились друг на друга.

Когда они вышли, он представил огромное пустое пространство, которое ощущал вокруг себя его брат.

Он украдкой спустился до середины лестницы и выглянул в открытую дверь. Золотой свет уже отвоевал верхушки сосен и камни цвета слоновой кости в оливковой

роще. Мать вышла босиком на траву и села по-турецки под любимым перечным деревом, а Томаса положила в гамачок, получившийся из юбки, — одной рукой она придерживала его, а второй гладила по животу. На лице младенца плясали тени ярких зеленых листочков.

Роберт выбрел на улицу, не зная, куда себя деть. Никто его не звал, поэтому он отправился за дом — как будто с самого начала хотел спуститься ко второму пруду и посмотреть золотых рыбок. На глаза попала блестящая вертушка, которую Маргарет купила для Томаса возле карусели в Лакосте. Вертушка торчала из земли рядом с перечным деревом. Сверкающие колесики из золотой, серебряной, зеленой и голубой фольги крутились от ветра. «Здесь есть и яркие цвета, и движение — им такое нравится», — сказала Маргарет. А Роберт тут же выдернул вертушку из коляски и, размахивая ею в воздухе, помчался вокруг карусели. Палочка почему-то сломалась, и всем стало обидно за малыша, который даже не успел порадоваться новой блестящей игрушке. Отец задал Роберту миллион вопросов, хотя, в сущности, вопрос-то был один. Ты ревнуешь? Ты злишься, потому что Томасу достается все наше внимание и новые игрушки, да? Да? Да? Да? Роберт отвечал одно: «Я не нарочно». В самом деле, он не хотел ломать вертушку, но брата и впрямь ненавидел — и сам был тому не рад. Разве родители не помнят, как им было здорово втроем? Они так любили друг дружку, что даже короткая разлука причиняла боль. Разве им мало одного Роберта? Разве его не достаточно? Или он недостаточно хорош? Они сидели втроем на этой лужайке перед домом и бросали друг другу красный мяч (Роберт его припрятал, чтобы он не достался Томасу). Не важно, ловил он его или нет, все смеялись, и всем было хорошо. Зачем же они это испортили?

Быть может, он стал слишком взрослый. Малыши ведь лучше. Малышей чем угодно можно удивить. Взять хотя бы этот пруд с рыбками, в который Роберт сейчас швырял камешки. Мама однажды поднесла Томаса к пруду и, показывая на рыбок пальцем, говорила ему: «Рыбки». С Робертом такой номер бы не прошел. И вообще, откуда брату было знать, что мама имела в виду именно рыбок, а не пруд, воду, водоросли, отражения облаков? Да и видел ли он самих рыб? Как он может понять, что слово «рыбки» означает рыб, а не какой-нибудь цвет или действие?

Когда наконец освоишь слова, кажется, что мир — это все, что можно описать. Но ведь мир — это еще и то, что описать нельзя. В каком-то смысле вещи казались более совершенными, когда он вообще ничего не мог описать. После рождения брата Роберт стал гадать, каково это — опираться только на собственные мысли. Стоит научиться говорить, тебе останется лишь без конца тасовать замусоленную колоду из нескольких тысяч слов, которыми до тебя уже пользовались миллионы людей. Бывают редкие моменты свежести, но не тогда, когда удастся облечь в слова жизнь мира, а когда из этой мысленной субстанции чудом рождается новая жизнь. Однако и до того, как слова перемешались с мыслями, мир то и дело взрывался ослепительными вспышками на небосводе его внимания.

Вдруг закричала мама:

— Что вы с ним сделали?!

Роберт выбежал из-за угла террасы как раз в тот миг, когда отец вылетел из дому. Маргарет лежала на лужайке, а Томас распластался у нее на животе.

— Все хорошо, голубушка, все хорошо, — ответила она маме. — Гляньте, он уже и плакать перестал! Весь удар пришелся на мою пятую точку. Опыт и выучка что-то да

значат. Я, наверно, сломала палец, но незачем беспокоиться о глупой старухе, раз малыш цел и невредим.

— Впервые слышу от вас мудрые слова, — прошипела мама, которая никогда и ни о ком не отзывалась дурно.

Она выхватила Томаса у Маргарет и осыпала поцелуями его голову. Видно было, что ее распирает злость, но по мере того, как она целовала сына, все нехорошее утонуло в нежности.

— Он цел? — спросил Роберт.

— Вроде да, — ответила мама.

— Надеюсь, с ним все будет хорошо, — сказал Роберт, и они вместе ушли в дом, оставив Маргарет лежать на земле и возмущаться в одиночестве.

На следующее утро они спрятались от Маргарет в родительской спальне. Днем отцу предстояло везти ее в аэропорт.

— Что ж, пора спускаться, — сказала мама, застегивая комбинезончик Томаса и подхватывая его на руки.

— Не-ет! — завыл папа и плюхнулся на кровать.

— Ну что за детский сад?

— Когда у тебя появляется ребенок, ты и сам начинаешь ребячиться, заметила?

— У меня нет времени на ребячество, это привилегия отцов.

— Если бы ты нашла нормальную помощницу, время бы нашлось.

— Идем! — Мама протянула папе свободную руку.

Он легонько ее стиснул, но не сдвинулся с места.

— Не могу решить, что хуже, — сказал он, — разговаривать с Маргарет или слушать ее.

— Слушать, — проголосовал Роберт. — Именно поэтому после отъезда Маргарет я буду постоянно ее изображать.